

Литературный конкурс "Горизонта"

Кусочки разорванной страницы сиротливо белели в ведре. Эти клочки бумаги, точнее эти четыре страницы, уменьшенные моими пальцами до размеров печенья – замолчали навсегда. Но разве так нужно принимать разбитую жизнь? Так и было тогда.

Что я хочу сказать? А вот что: эти строки я посвящаю... своему бывшему мужу, который так! произнёс слово гениально и при этом по-пастушечьи икнул, что рассказ, который я ему прочитала, по буквам выкатился из кухни, оставив пустой лист, который я и выбросила в ведро. Как я могла тогда так поступить со своим творческим порывом, со своим первым подснежником?! Потом, я почти семь лет искала эти буквы! Но, увы, тщетно. Нужна была сходная ситуация, которая бы подтолкнула меня на подобный крошечный рассказ под незатейливым названием:

КОНВЕРТ.

Его звали – Кон. Но он себя почему-то называл женским именем – Конни. И так протяжно это говорил, что это имя действительно становилось именно его именем – Ко-ни-ни. Он был немножко манерный, немножко сноб, немножко глуп, но по-детски верил в то, что рождён быть джентльменом. И вся жизнь его сложится так, как у истинного англичанина – без бурь и эмоций. Дальше идёт текст от его лица (это всё, что я в состоянии сделать для него сейчас).

Надо туда вернуться, в то время, в ту кухню. А ещё лучше – в ту минуту, когда начал складываться этот рассказ, ощутить его шёпот, увидеть его проявление, как фотографию в ванночке при специальном свете. Да, нужен специальный свет, чтобы не испортить мгновение – тогда оно останется в истории. Свои рассказы тоже нужно научиться читать тем людям, которые не убьют их, а следом за ними и Вас. Может именно тогда, я впервые посмотрела на этого человека под другим углом и приняла решение уйти.

– Какая чушь, уйти от мужа только потому, что он не оценил какую-то писанину?

– Это не писанина – это было моё будущее.

– Твоё будущее в стореалистической муре о конверте, который и не конверт вовсе?

– А кто? Стоп! Спасибо, я вспомнила, я всё вспомнила!

– Что ты вспомнила, что ты вообще можешь? А ну не стирай меня с экран! А ну, не прыгай, как сумасшедшая! Не трогай буквы, мною написанные в твоей голове. У меня есть право...

– Я вспомнила, его звали...

– У меня есть право уничтожить все твои никчемные мысли. Слушай...не...оста...

Все уже ушли из офиса по домам, а Он ещё возится с бумагами. Он, гремит ключами, выключает свет и – ура! – забыл закрыть ящик письменного стола. Сегодня будет удивительная ночь, жаль только, что этот толстяк так придавил меня, что можно задохнуться. Что там в нём? Деньги, письмо деловое – главное, что его последняя ночь проходит за работой. А я чист, свеж, и даже по счёту не второй. Может, завтра, если удастся, я и не покину это место – мой дом. Волшебный добрый дом. Скрепки на столе светятся, как звёзды. О, шум машины. Он уехал. Впереди вся ночь, можно думать о чём угодно, мечтать, петь. Вон там розовые бумажки с клейкой лентой так призывно блестят! Но этот толстяк, придавивший меня сверху, всё испортил. Завтра милые, завтра! Может быть одну из вас, если успею, и захвачу, когда буду улетать отсюда. Спите. Спи...те...»

Это было поздней весной. Нет, в апреле. Я сидела в офисе и делала вид, что работаю. А са-

ма вдыхала полной грудью свои новые ощущения. Любовь...Тук, тук...Случайная любовь...Тук, тук. Так вот ты, какая! Надо отбросить театральность внутри себя и слушать опять. Любовь...Тук, тук... ЗВОНОК... Не могу привыкнуть и понять эти восхищённые вздохи по-поводу мобильных телефонов. Мобильный телефон – это очередной повод оправдываться и врать в трубку посреди улицы.

Это подруга. Бред... Бред... Выключилась. Стала замечать, что ничего. Ещё раз. Стала замечать, что НИЧЕГО, кроме раздражения, её звонки не вызывают. Я могу долго терпеть очень многое. Это какие-то уровни внутри меня, обручи что ли, которые не дают сразу сказать или сделать что-то такое, чего от меня не ожидают. Другими словами – игра в поддавки. Уровни страха, воспитания, покорности иногда мешают жить и двигаться вверх и вперёд. Видите, я отвлекаюсь, потому что не люблю эту тему. Я сама себя увожу от... От чего? От любви? От жизни? От окружающих меня людей? Да, именно от них! Потому что они, как гири, которые на мне висят – играют на моих обручах, как на струнах. А обручи эти я ношу с детства. Увы! У них есть даже футляры, для зимних вечеров, есть запасные струны, есть блестящие обёртки, есть тайный список моих грёз. Есть всё, чтобы носить их при себе всегда. И тогда симфонии, которые играют близкие люди под названием: «Ну что тебе трудно?» или «Я так на тебя рассчитывала» или «Я хочу с тобой посоветоваться» или «Ты была права, но» – забирают все призы у «Виртуозов Москвы». Это я опять не хочу говорить. Потому что дирижеры, которые управляют оркестром в этот день – получают всё: меня, мою жизнь, моё время. Мою жизнь? Что я тут наговорила, мою жизнь? Ну, уж нет! Так что мне сказала подруга? Что-то про манёвры, маневры... Не помню.

Купюра в пять гривен, гордо легла ко мне на стол. На рабочий стол. Было только сказано: – Передайте!

Вот уж воистину – краткость сестра таланта. Моего таланта Кому передать-то? Пяты гривен. Это что, новый звонок мне о том, что я, кроме того, что работник, ещё и курьер? Или он заметил, что я не работаю, а мечтаю о нём. Не о нём, а о другом мужчи-

не. Что-то я совсем уже, заговорила. А, вспомнила! Подруга что-то же просила. Ненавижу, ненавижу людскую мнимую простоту. Ему, видите ли, позвонила бывшая любовница. Ну и что, что я её подруга и работаю у него? Ну и что!

Справка: никогда не приводите своих подруг на работу к своим же любовникам. Вместо того чтобы шпионить за ним, она его просто у вас уведёт! Поверьте, я знаю, что говорю!

И что, я теперь должна после работы заходить к ней и нести эту странную сумму?

– Алло, что это за крупная купюра в пять гривен у меня на столе?

– Откуда ты знаешь, что пять? Постой, он, что дал всего пять гривен? (тут, если бы это звучало по телевизору, мы бы услышали: пи...пи...пи...). И до моего отравленного глубокой порядочностью и гордостью ума (не верь, не бойся, не проси) доходит: моя бедная подруга так удачно сыграла роль несчастной сироты, которой незачто даже доехать до работы. Могу примерно воспроизвести этот монолог. Эх, Маша, Маша!

– Я в такой ситуации впервые, завтра зарплата, а там уж как-то выкручусь. Ты передай через нашу общую знакомую хотя бы пять гривен! Она собиралась ко мне сего-

дня... дня...

дня тошнит, и кружится голова. Авитаминоз. Что такое? Почему так холодно? Толстяк забрал. Второго забрал. Как я мог проспать? Я всё пропустил. Ой, что это? Пять гривен. Как-то не очень. Не об этом я мечтал, не для этого я продумывал каждый свой день, медитировал. Но эта купюра. Боже мой, она ещё и надорвана сбоку. Как неуютно мне. Как будто ношеную грязную майку одели под белую накрахмаленную рубашку. Что это? Подпись обожгла меня, как раскалённая спираль. Это ж надо так разозлиться. Как клеймо поставил. Я знаю, что он подумал при этом – разрешите промолчать – я же джентльмен. За что он так её? А она хорошенькая. А, это оказывается не ей. Руки у этой нежные, но не бархатные. Бедняжка – утром тёрла морковь. Дети, муж, овсяная каша. Как банально. Жаль, что не роковая женщина. Не бросай меня так! Темно. Сумка».

Приезжаю к подруге. Протягиваю конверт. Что тут началось! Она яростно вырвала его из моих рук, разорвала в клочья, а там пять гривен, да и те в ужасе забились в угол, на верное.

– Это всё? А где письмо?

– Какое?

МОЙ МИЛЫЙ «ЖЕЛЕЗНЫЙ КОННИ»

– Кхе, кхе, прости. Спасибо тебе. Может, заедешь? Ну ладно...

Так скорей всего и было. Но результат получился неожиданный, это уж точно. О щедрости этого мужчины ходили легенды по офису. Да что там по офису, сама слышала от подруги не раз, как надо просить денег, не прося. А здесь – получите и распишитесь. Как можно после этого жить, если тебе так ответили? Дальше я её не слушала и, если честно, уже никогда больше не слышала. Что-то перевернула во мне эта пятигривневая купюра – мне показалось, что это плата за их прежние отношения. Как глупо и тупо, наверное, выглядело всё в его глазах! Он-то уже давно забыл о ней и влюблён в другую. Я вижу его каждый день! Почему-то вспомнился Капоте с его «Завтраком»:

– В другой раз, когда девушке понадобится мелочь для уборной, послушайте моего совета, не давайте ей всего двадцать центов.

Похоже чем-то, правда? Дать пять гривен, чтобы больше не звонила и не просила. Какой мужчина. Молодец. Но при чём здесь я? При чём здесь я в её бестолковой игре и в его раздражённом: «Передайте!». Так всё.. Иду к нему в кабинет. Как он красив всё-таки, мой директор. И, как мне сдержаться, чтобы не швырнуть эти «деньжищи» ему на стол? Ах да, его гривны я оставила себе, для истории, положив в кошелек. А ей – передам другие, случайно храпевшие у меня в кармане куртки, заклеенные пять гривен. Или залепить ему пощёчину изо всех сил? От слабости своего положения подчинённой и влюблённой в него. Забудьте эту строку.

– Можно? Извините, но деньги нужно передавать в конверте. Вы можете это сделать? Вот у Вас в тумбочке конверты лежат – просто заклейте и распишитесь, что это от Вас, – надо было видеть его глаза!

– Вот, возьмите. Это всё?

Даже не дождавшись моего ответа (хотя, разве он мог предположить, что я могу ещё что-то сказать после умного предложения с конвертом? Что на меня нашло в тот день – загадка), продолжил что-то набирать на клавиатуре одним пальцем левой руки. Он что левша? Не замечала. Какие красивые у него руки. И шея. О боже. Какое-то странное состояние влюблённости у меня в этот раз – мне всё вре-

– Он что ничего не написал? Или забыл положить? Где телефон? Алло? Там ничего нет. Пять гривен. А письмо? Зачем тогда этот дурацкий конверт? Что значит так положено, ты что издеваешься? Он бросил трубку, представляешь (это уже ко мне)! Зачем этот дурацкий конверт? Зачем? Зачем? – она начала его топтать ногами. – Зачем? Зачем?

– Здравствуйте. Все отворачиваются от меня. Ну конечно, старожилы! Если бы не эти пять гривен. Если бы не эта подпись, которая говорит обо всём и светится розовым цветом, как пощёчина. Если бы не адресат. Если бы не получатель – она. Боже мой, я заговорил конвертным языком – сейчас все догадуются, что я боюсь.

– Простите, как называется Ваша вода? Как? Эден? Не слышал о таких духах. Ещё минуточку вашего внимания, а кто наша хозяйка? То есть ваша? (как же разговаривать, хотя бы её?). Сегодня великий день! И...опять холодно. Не трогайте меня! Не рвите! Она сумасшедшая просто. Куда меня привезли? Что значит дурацкий конверт? Посмотри на себя – истеричка. Меня на пол? Не надо. Не бейте. За что? Прощайте. Простите. Прощай..те...»

На полу уже валялся не конверт, а порванная в клочья бумажная тряпочка. А я стою возле порога, смотрю на эту белеющую бумажную душу, и за одну минуту в голове проносится коротенький (тогда я ещё не знала, что он будет коротенький) рассказик.

Хорошо, что никто не увидел и не узнал дальнейшей судьбы конверта. Теперь, когда я беру в руки другой конверт, я рассказываю ему историю, о том, куда он отправляется, зачем, и благодарю его за всё. И я знаю почему. Я чувствую вину за судьбу того «чувствительного джентльмена» в белой накрахмаленной рубашке.

Я подняла глаза на мужа – бывшего мужа, и робко спросила:

– Ну, как?

Что было дальше, вы знаете. Именно поэтому я написала о разбитой жизни, что упокоилась в ведре. О своей жизни, о жизни рассказа. И о жизни конверта – чего уж там! Мы в тот день были вместе на станции под названием «Прощайте».